

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Александра Алексеевича Орехова на тему: РАЗВИТИЕ ПРАКТИК
ПЕРЕДАЧИ ИСЛАМСКИХ ЗНАНИЙ В ЛОКАЛЬНЫХ
МУСУЛЬМАНСКИХ СООБЩЕСТВАХ РОССИИ В 1930-Х-2021 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ Г. НИЖНЕГО НОВГОРОДА и Г.БОР)
по специальности 5.6.1. – Отечественная история
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Интерес к исламской тематике в академическом сообществе России не угасает. Актуальность подобного рода исследований нет необходимости доказывать в многоконфессиональном обществе, которым является российское общество. Собственно, это автор диссертации и не делает, начиная Введение к диссертации с объяснения особенностей коммуникации «светского» ученого с мусульманами, идущей от возможного недоверия к взаимопониманию. Написано начало работы в публицистическом ключе. Но уже на странице 5 диссертант переходит к научному стилю изложения, не теряя его на протяжении всего текста.

Во вводной части работы присутствуют все необходимые элементы, требуемые для диссертационного сочинения. Четко обозначены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки.

Цель исследования, как формулирует её автор, – «реконструировать эволюцию практик исламского призыва, то есть сохранения, передачи и распространения исламских знаний, как системы циркуляции исламских знаний в локальных мусульманских сообществах европейской части России в 1930-2021 гг. на материалах мусульманских сообществ г. Нижнего Новгорода и г. Бора». В задачах, проистекающих из поставленной цели, учитываются и внутренняя специфика эволюции практик исламского призыва, и внешний фактор воздействия на него со стороны происходивших миграций населения.

Важно отметить, как пишет автор, что «в российской историографии до сих пор нет научного исследования, посвященного феномену исламского призыва (да'ва), выраженного в практиках передачи исламских знаний и развивавшегося в российском историческом континууме XX-XXI столетий». И с этим оппонент согласен. Видимо, именно поэтому диссидентанту пришлось в историографическом обзоре (фрагмент «Степень разработанности научной проблемы») отсылать читателя к рассмотрению сути исламского призыва на макроуровне. Обзор включил в себя зарубежных и отечественных авторов и подтверждает новизну избранного диссидентантом ракурса освещения темы.

Отметим, что историографическая часть сделана весьма добrotно (С.8-18). При описании степени изученности темы выбран преимущественно аспектный принцип. Отдельно выделены труды, опубликованные за рубежом и посвященные общему объяснению феномена исламского призыва

(теоретический аспект). Отдельно рассмотрена группа сочинений по конкретике повседневности мусульман («призыв» как совокупность практик).

Историографический обзор доказывает, что комплексные монографические исследования по проблематике, избранной соискателем, не проводились, что усиливает новизну диссертации.

В историографическом обзоре следовало, на наш взгляд, сделать обобщение о достижениях теоретиков исследуемой проблематики, а не только указать на основу западных трудов – англоязычные сайты.

Обращаясь к разделу «Методология и методы исследования», как составляющей Введения диссертации, подчеркнем следующее. Позитивной оценки заслуживает обращение диссертанта к научным дискуссиям, нужным для прояснения сути религиозной инфраструктуры. Первая концентрировалась на её концептуализации, последующие выдвигали как приоритетные – «материалный» и «инфраструктурный повороты» научной мысли. Интересным в связи с этим, представляется понимание поведения людей через инфраструктуру материального и духовного, то есть тот ракурс, который диссертант будет конкретизировать по итогам собственных полевых исследований.

Основываясь на принципе междисциплинарности, что очевидно следует из текста и является позитивным моментом современных исторических исследований, диссертант, тем не менее, не акцентирует внимания на этом важном методологическом базисном положении, упоминая принцип междисциплинарности вскользь. Тем не менее, междисциплинарность прослеживается в диссертации как минимум в совокупности истории мусульманских сообществ, антропологии ислама, этнографических зарисовок и даже элементов теологического знания.

Что касается источников, то они представлены диссидентом в совокупности из семи групп. В силу скучности письменного источникового материала автор умело прибегает к такому приему как использование материалов интервью с самими мусульманами (звучит «голос ислама»), с представителями власти и, конечно, с учеными. Диссидент избирает, на взгляд оппонента, тем самым верный ход, обращая, прежде всего, внимание, на поведенческие реалии и их оценки в устной передаче людей, создающих соответствующие инфраструктуры мусульманского мира. Однако, автор не объяснил, какую ценность для исследования представляли те или иные группы источников (нормативные акты, делопроизводственные документы, источники личного происхождения, местная печать и этнографические материалы), а только констатировал наличие указанных групп.

Следовало, на наш взгляд, пояснить, с какой целью использовались отдельные фрагменты Корана: автор же ограничился лишь одной фразой: «Диссидент также использовал соответствующие суры и аяты священной книги мусульман – Корана» (С. 36). Каким образом и для чего они были использованы?

Апробация подтверждена докладами на научных конференциях (четыре позиции) и публикациями в требуемом ВАК количестве. По теме исследования в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, опубликовано три статьи, но все в соавторстве.

Таким образом, Введение сделано по обычной схеме, требуемой для подобного рода сочинений. Определяются актуальность избранной темы, объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, степень ее изученности, цель и задачи, методология и методы исследования, апробация результатов, дана классификация источников, обозначена научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, раскрыта суть понятия «исламский призыв», сформулированы положения, выносимые на защиту. Диссертация соответствует паспорту специальности 5.6.1.

Теоретико-методологической основой исследования были выбраны сразу несколько подходов, которые, органично дополняя друг друга, позволяют решить поставленные задачи: историческая антропология, история повседневности с её конкретной методикой, новая политическая история, теологический подход, использование дискурс-анализа и др. Хотелось бы увидеть обоснование органичности соединения в одной работе ряда методик и методологических принципов.

Правильное применение методологического и методического инструментария также обеспечивает достоверность текста диссертационного исследования.

Достоверность исследования базируется на некотором количестве исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных, достаточном для исследования материалов по избранной проблематике.

Содержание диссертации представляет собой логично выстроенное изложение материала по избранной соискателем теме.

Основная часть диссертации разделена на две главы и семь параграфов, которые соответствуют задачам, сформулированным диссертантом во вводной части работы. Соотношение объемов глав и параграфов в целом продумано. Всего в тексте диссертации семь параграфов, каждый в среднем около 10 страниц. Думается, что архитектоника диссертации была бы интереснее, если бы параграф 2.4, именуемый «Форматы и практики передачи религиозных знаний в исламских локальных сообществах в 1991-2021 гг.» развернуть в Главу III и ограничить её современностью. Хронологический принцип при этом не нарушился бы, а у диссертанта появилась бы прекрасная возможность показать, как в условиях информационной цивилизации меняются практики передачи исламских знаний за счет новых технологий. Этот сюжет не нашел отражение в труде исследователя.

Первая глава «Эволюция практик передачи религиозных знаний в локальных мусульманских сообществах в период 1930-х-1991 гг.» состоит из трех параграфов. В первом параграфе главы (С. 45-66) дается характеристика

положения религиозных объединений в СССР. Соискатель обратил внимание, прежде всего, на государственно-религиозные отношения указанного периода, согласившись с общепринятой в исторической литературе обозначением значимости событий 1928-29 гг.: обнародования циркуляра «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 29.01.1929 г. и Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8.04.1929 г. Эти правовые документы внесли значительные изменения в эволюцию практик передачи религиозных знаний.

Второй параграф главы I «Факторы миграции мусульман в 1930-х — 1991 гг.» (С. 66-72) характеризует изменение особенностей передачи религиозных знаний в связи с миграционными потоками. Определены обстоятельства восходящей мобильности населения в рассматриваемый период на основе изучения исторической литературы, в частности, труда В.Заславского «Закрытые города и организованный консенсус» (От неосталинского государства до постсоветской России. 1970-2000. – СПб.: Издательство Европейского университета в СанктПетербурге, 2019. С. 185-226). В этой части диссертации автор начинает включать материалы своих полевых исследований по городу Бор, показывая, что «мусульмане не были местными жителями данного населенного пункта, а стали ими в период миграции населения в ходе процессов индустриализации, коллективизации и урбанизации в период существования СССР – начиная с 1930-х гг. В городе создавалось собственное локальное татарско-мусульманское сообщество».

Третий параграф Главы I «Инфраструктура практик передачи исламских знаний в 1930-х – 1991 гг.» (С. 72-78) реализует идею соискателя о значимости инфраструктуры (меджлисов и мечетей) в передаче и сохранении исламского знания. В этот параграф включен материал по истории мусульманской религиозной организации города Горького, носящий преимущественно компилятивный характер.

В кратком заключении к первой главе утверждается, что «основной формой сохранения и передачи исламских знаний и одновременно мероприятием, которое служило поддержанию коммуникации в татарском мусульманском сообществе в г. Бор, был меджлис»... «Меджлис был важнейшим коллективным мероприятием, в ходе которого реализовывался исламский призыв и воспроизводились мусульманские молитвенные практики. В качестве нематериальной инфраструктуры для сохранения и передачи исламских знаний во время проведения меджлиса выступала, прежде всего, сеть контактов, коммуникаций татар-мусульман по организации и проведению мероприятия. Главная черта нематериальной инфраструктуры - ситуативность, подстраивающаяся под ограничения советского времени на публичное проявление религиозности. В качестве материальной инфраструктуры в советский период времени выступали дома индивидуальной постройки татарских семей, которые являлись организаторами меджлисов, пятничных коллективных намазов» (С. 77).

Вторая глава «Эволюция практик передачи религиозных знаний в локальных мусульманских сообществах в 1991-2021 гг.» включает в себя

четыре параграфа. В первом параграфе Главы II (С. 78-83) по аналогу с первой главой рассматривается правовое положение религиозных объединений в РФ, но уже после гибели Советского Союза. Диссертант рассматривает качественные перемены в жизни религиозных объединений и отражение их в законодательстве, ссылаясь на оценки, данные отечественными исследователями.

Параграф 2 Главы второй (С.83-91) посвящен процессу создания материальной религиозной инфраструктуры в резко изменившихся условиях жизни страны. Основной материал – результат анализа полевых исследований автора. Фокус этой части работы – строительство мечети в городе Бор, а главное, поиск ответа на вопрос, как преобразовалась само локальное мусульманское сообщество и практики исламского призыва. Практики призыва стали значительно более разнообразными. Их характеристика и есть основной авторский фрагмент диссертации, содержащий очевидную новизну. Хотелось бы прочитать о причинах ситуации, сложившейся на Бору, а именно о том, что «построенная мечеть стала общим, основным религиозным мусульманским центром в городе, однако не превратилась в татарский этнический культурный центр». И надо ли было ей превращаться в татарский центр? Подобное превращение – закономерность или случайность для городских мусульманских организаций европейской части России?

Параграф 3 Главы 2 «Миграционные процессы в 1991-2021 гг. как фактор изменения этнонационального состава исламских локальных сообществ» (С. 91-98) опять обращает внимание оппонента на миграционные потоки, но уже рубежа XX-XXI вв. Соискатель проанализировал трудовую миграцию из Узбекистана и Таджикистана в Россию, показав её влияние на религиозную жизни Москвы, Нижнего Новгорода и Бора. Интересна практика поручительства имамов мечетей в регионе за человека, представляющего строительную подрядную организацию, который нанимал рабочих-трудовых мигрантов на строительный подряд. При этом, как сам работодатель, так и рабочие были выходцами из Таджикистана, а имамами были – местные татары. Этот случай свидетельствует о важности религиозного компонента в решении трудовых вопросов в мигрантском, например, таджикистанском сообществе.

Последний параграф (2.4.) Главы 2 «Форматы и практики передачи религиозных знаний в исламских локальных сообществах в 1991-2021 гг.» (С. 98-134) выделяет шесть видов деятельности, для реализации которых создавалась инфраструктура, как материальная (комплексы зданий мечетей, исламских учебных организаций), так и нематериальная, состоящая из сети людских контактов, коммуникаций.

Диссертант подробно анализирует два новых явления, присущих исламскому призыву постсоветского времени:

- создание системы исламского образования на уровне региона и
- «тюремное служение».

Эти явления персонифицируются с помощью характеристик деятельности наиболее активных лидеров мусульманских коллективов и ученых нижегородских вузов.

Оппонент считает возможным отметить некоторые незначительные недостатки:

Иногда века обозначаются арабскими цифрами, а не так, как это принято, римскими (С. 31).

Имеются опечатки, например, населенный пункт Ишеево назван Ешеево (С. 68).

Работа Д.В. Мухетдинова «Азан над Волгой» есть в сноске, но отсутствует в Списке литературы.

Введено понятие «поздний СССР», но хронология периода не указывается.

Не всегда в Списке литературы указано общее количество страниц того или иного издания.

В Заключении диссертации излагаются итоги и выводы выполненного исследования. Соискатель утверждает, что «основными факторами изменения практик исламского призыва в 1930-х-1991 гг. и 1991-2021 гг., являлись: государственная политика советского, затем российского государства, миграции населения на территориях советского, постсоветского пространства, создание нематериальной и материальной инфраструктуры» (С. 135). Возможно, следовало подчеркнуть значение личностного фактора в деле осуществления исламского призыва. Вспомним, как качественно изменился призыв после репрессий 1930-х гг., какое значение имели харизматические личности в ходе восстановления деятельности мусульманских сообществ в 1990-е годы прошлого столетия и др.

Автореферат отражает основные идеи диссертанта, изложенные в тексте диссертации.

И научные положения, и выводы, имеющиеся в диссертационной работе, можно признать обоснованными.

Новизна проистекает из включения в научный оборот новых ранее неопубликованных источников и комплексной подачи диссертационного материала. К тому же, по теме, выбранной соискателем, полностью отсутствуют комплексные исследования. Однако, хотелось бы увидеть во Введении указания на то, как «работают» выбранные диссидентом методы: в тексте они лишь обозначены.

Среди достоинств работы также отметим внимательное отношение к изучению историографии: проделан её тщательный анализ, плюс работы и в том, что привлечены труды зарубежных исследователей. Значительное внимание автором в рамках диссертации уделено материалам прессы.

Однако, следует обратить внимание и на некоторые недочеты в диссертационном сочинении.

1. Диссертант во вводной части сочинения обеднил трансформацию современного российского дискурса об исламе, опираясь на точку зрения, касающуюся политического образа ислама, высказанную С.А. Рагозиной в 2019 году, трактующую российский академический дискурс ислама исключительно в формате дилеммы «традиционный ислам – радикальный ислам». Хотелось бы услышать мнение соискателя по поводу содержания понятия «традиционный ислам». Сегодня по-прежнему особую значимость имеет борьба с экстремизмом и терроризмом, но центр тяжести российского дискурса об исламе переносится и в другие сферы интеллектуального бытия: в теологический дискурс, в антропологический ракурс освещения указанной проблематики, в региональные кейсы и др.
2. Из исторического повествования диссертанта, кроме сюжета временного увлечения джадидизмом в структурировании деятельности медресе, выпала тема модернизации ислама, а, следовательно, и дискуссии по поводу значимости модернизации, которая продолжается в мусульманской среде и по сей день.
3. По некоторым позициям текста хотелось бы видеть больше аналитичности: например, при описании специфики формирования мусульманского сообщества на Бору, можно было бы указать на общее и особенное в этом процессе, сопоставив его с тем, что происходило при генезисе мусульманской общины в молодом городе Горьковской области – Дзержинске и др.
4. В числе основных положений, выносимых на защиту, есть пункт 5, в котором сравнивается специфика процессов и практик передачи исламских знаний г. Нижнем Новгороде, которая «отличалась от г. Бора после распада СССР тем, что процессы и практики передачи исламских знаний развивались быстрее в региональном центре как месте средоточия ресурсов, в том числе человеческих, мигрантских» (С.41). Поскольку в заглавие диссертации вынесены два социокультурных пространства: Нижнего Новгорода и Бора – следовало бы, на наш взгляд, четче разграничить их при обозначении своего рода двух моделей и обратить внимание на глубинные исторические основы их становления. Нижнему Новгороду еще со средневековья присущи места исторического расселения татар-мусульман, а, следовательно, и более ранние процессы исламского призыва в конкретных практиках, нежели на Бору, не имевшем исторического бэкграунда. К тому же, диссертант не объяснил выбор двух городов: Нижнего Новгорода и Бора (почему на них остановилось его внимание как исследователя).

Что касается значимости для науки и практики результатов, полученных автором, то историческая наука обогатилась, прежде всего, выявлением комплексным знанием о феномене исламского призыва на микроуровне, а также проработкой связи коранического понятия «да'ва»

(исламский призыв) с понятием «религиозная инфраструктура» как каналом распространения и сохранения исламских знаний - распространения «исламского призыва».

Мнение о научной работе соискателя в целом

Таким образом, диссертация Александра Алексеевича Орехова на тему: «Развитие практик передачи исламских знаний в локальных мусульманских сообществах России в 1930-х-2021 гг. (на материалах г. Нижнего Новгорода и г. Бор)» является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится исследование специфики указанных в заголовке текста процессов, выявляется конкретика действий последователей мусульманской религии в меняющейся исторической ситуации.

Высказанные замечания не могут поставить под сомнение положительную оценку диссертации, которая отличается оригинальностью, нетривиальностью подходов, заметным личным вкладом автора в изучение весьма актуальной темы, а также богатой источниковой базой. Ее научная новизна не вызывает сомнений. Диссертация соответствует всем требованиям Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842 «О порядке присуждения ученых степеней», всем требованиям, предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям, а ее автор, Александр Алексеевич Орехов, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
д.и.н., доц., проф. кафедры
истории и мировой политики
Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова,
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
почтовый адрес, +7 (831)436-15-75,
admdep@lunn.ru

Сер

/Сениоткина Ольга Николаевна/

Подпись <i>Сениоткиной О.Н.</i>
ЗАВЕРЯЮ
Специалист по кадрам <i>Галикова О.Н.</i>
«03» ноября 2023 г.